

— Да так, ничего особенного. Слышал тут, что у Кэмпбелла дядя скончался. Вот и подумал: мы ведь тоже немолоды, бог весть сколько нам ещё осталось рядом с мальчиком быть, — вздохнул Сидни. — Если нас не станет, ты уж присматривай за Кэмпбеллом, наставляй его, если что.

Семья Сидни, в отличие от Таотэ, обосновалась в племени Наши давно. Они жили здесь поколениями, обросли многочисленной роднёй, так что одних только дядьев в селении насчитывалось несколько человек.

Того самого дядю, о котором говорил Сидни, Таотэ помнил ещё с детства — это был на редкость рослый, крепкий оборотень.

Впрочем, жизнь и смерть — удел каждого, тут ничего не попишешь. Как ни горько было это признавать, Таотэ оставалось лишь мягко утешить Сидни.

Посидев у них ещё немного, Таотэ засобиравшись домой. Напоследок он ещё раз искренне поблагодарил Сидни за гостеприимство.

Правда, он совсем забыл спросить, сколько красных раковин задолжал Кэмпбеллу за ту мягкую шкуру, которую просил раздобыть.

В этом мире в ходу был как обычный обмен, так и торговля за местную валюту — красные раковины. А шкура оказалась настолько нежной и шелковистой, что явно ценилась недёшево.

Сидни, однако, лишь удивлённо моргнул — он об этой сделке слышал впервые.

Коротко объяснив, в чём дело, Таотэ вежливо попрощался и покинул дом.

Вернувшись к себе, Таотэ усадил Якоба на подушку, а сам достал одежды: две свои неумелые поделки и ту, что сшил Сидни.

По отдельности разница не так бросалась в глаза, но стоило разложить их рядом, как превосходство работы опытного мастера стало очевидным.

Забросив свои корявые труды в угол, Таотэ взял аккуратную рубашечку Сидни и приложил к крохе. Села идеально — и вширь, и в длину.

— Примерь-ка, — предложил он.

Но Якоб даже не шелохнулся. Он лишь забавно склонил голову набок и тихонько спросил:

— Таотэ, а где одежда, которую ты шил?

Пусть кроха и прятался послушно под одеялом, пока Таотэ ходил к соседям, он прекрасно помнил, как оборотень корпел над шитьем специально для него.

— Да вон валяется, — Таотэ кивнул на заброшенные лоскуты. — Срам один, а не работа. Швы кривые, нитки торчат — куда ей до этой? Да и колоться будет, только кожу натрёшь.

Малыш, не говоря ни слова, скатился с подушки. Проигнорировав красивую обновку в руках хозяина, он босиком припустил к отбракованным вещам. Пыхтя от усердия, Якоб подобрал одну корявую рубашку, затем другую, сложил их вместе и, обхватив этот ворох обеими ручонками, притащил обратно к Таотэ.

— Таотэ! — Якоб старательно выпрямился, изо всех сил вытягивая руки вверх и протягивая ему узелок.

Таотэ забрал свои неказистые творения, совершенно не понимая, что задумал этот карапуз.

Освободив руки, Якоб развернулся и упрямо полез обратно на подушку. Преодолев эту "высоту", он встал на самую вершину, протянул к Таотэ ладошки и капризно, но до крайности мило заканючил:

— Якоб хочет носить то, что сшил Таотэ! Только твоё! Твоё, Таотэ!

Он даже забавно покрутился на месте, призывая примерить именно его кривоватое творение.

У Таотэ тепло разлилось в груди — надо же, его криворукость кого-то ни капли не смутила. Уступив упрямцу, он прикинул размер своей поделки. Вид у неё, конечно, был тот ещё, но благодаря чутким подсказкам Сидни скроена она была на славу. Размер подходил идеально.

Видеть малыша в его первой настоящей обновке было на удивление приятно. Сам же Якоб буквально сиял от восторга. Он без умолку щебетал, крутился волчком, оглядывая подол со всех сторон, вытягивал крошечные ручки, любуясь рукавами, и вообще казался самым счастливым существом на свете.

Таотэ невольно залюбовался им.

Кроха и без того отличался на удивление правильными, тонкими чертами лица, а в этой ладной рубашечке и вовсе стал походить на фарфоровую куколку искусной работы — только живую и непоседливую.

Сам Якоб, разумеется, своей неотразимости не осознавал, зато без устали строил глазки своему спасителю.

— Таотэ, Таотэ! Ну как? Красиво?

Он уцепился за палец оборотня и легонько потянул его на себя:

— Скажи, я красивый?

И радовался он не столько обновке, сколько тому, что её сшил именно Таотэ. Для маленького питомца любая вещь, подаренная хозяином, была бесценным сокровищем.

Жаль, зеркала под рукой не нашлось, а то бы этот модник точно провёл перед ним полдня.

Одевшись, Якоб никак не мог успокоиться и продолжал весело прыгать вокруг. Глядя на эту его возню, Таотэ вдруг поймал себя на мысли, что чувствует себя самым настоящим отцом, балующим любимое чадо.

Когда буря восторга улеглась, Таотэ наконец смог объявить о своих планах: после полудня нужно было снова сходить в лес за оградой племени Наши.

Якоб, стараясь не помять новенькую рубашку, чинно устроился за пазухой у оборотня, и они вместе вышли из селения.

Опасаясь лишних расспросов и подозрительных взглядов, Таотэ не стал оборачиваться зверем у всех на виду. Он углубился в чащу в человеческом обличье и лишь отойдя на приличное расстояние, наконец остановился.

Убедившись, что поблизости никого нет, он бережно высадил Якоба на мягкую траву, скинул мешающую одежду и перекинулся в зверя.

В зверином облике передвигаться приходилось на четырёх лапах, так что нести Якоба в руках оборотень больше не мог. Он покорно лёг на брюхо, позволяя малышу карабкаться по густой шерсти вверх. Якоб ловко взобрался к нему на загривок, распластался там и на всякий случай крепко вцепился в шерсть, чтобы не соскользнуть на бегу.

Поначалу такой грозный облик хозяина напугал кроху, но страх быстро сменился диким восторгом.

Устроившись на широкой шее, Якоб вовсю улюлюкал и заливался смехом:

— Быстрее, Таотэ, быстрее! Ха-ха-ха!

Весил он сущую малость, поэтому стоило оборотню пуститься вскачь, как Якоб, точно

бумажный змей на ветру, взмывал в воздух, удерживаясь лишь на честном слове и зажатой в кулачках шерсти.

Впрочем, трусливым малыш не был — напротив, эта безумная скачка приводила его в полный восторг.

Вдоволь нарезвившись, Таотэ постепенно замедлил шаг. Пора было браться за дело — они ведь пришли сюда на поиски съестного, а не просто дурака валять.

Вернувшись к обычному шагу, Таотэ осторожно двинулся в глубь леса, пересадив Якоба к себе на плечо.

Щёки у запыхавшегося Якоба покраснелись, сделавшись похожими на спелые вишни.

— Таотэ, а что мы ищем? — любопытствовал он, крутя головой.

Оборотень то и дело принюхивался и всматривался в лесную подстилку, выискивая хоть какие-то следы.

— Еду, глупыш. То, что можно съесть. Если ничего не найдём, то останемся голодными, — отозвался Таотэ.

Втайне он надеялся выследить какую-нибудь мелкую дичь. От затянувшейся вегетарианской диеты у него уже под ложечкой сосало, а при одной мысли о сочном, зажаренном куске мяса перед глазами вспыхивали голодные искры.

— Еду? — Якоб смешно сморщил носик. — То, что кушают?

— Ну да, вроде того, чем мы завтракали, — Таотэ легонько ткнул пальцем в пухлый животик крохи.

Идея заняться скотоводством или земледелием посещала его и раньше, но воплотить её в жизнь было чертовски непросто.

Садоводство требовало времени и знаний, а дикие звери, привыкшие к свободе чащоб, обладали слишком свирепым нравом. Приручить их за пару месяцев и превратить в послушный домашний скот — задача из разряда фантастики. Да и сил у него на это попросту не хватало.

Зимой тут самому бы с голоду не помереть, какой уж там уход за капризной живностью.

Малыш потерял прядь волос у него над ухом и тихо спросил:

— А те круглые штуки тоже еда?

— Круглые? Ну да, — кивнул оборотень.

Наверное, Якоб имел в виду рисовые плоды — из круглых лакомств он только их и пробовал.

Батат-то вытянутый, на шар никак не похож.

— Тогда они вон там растут. Много круглых, — Якоб простодушно указал пальчиком куда-то в сторону. В глубине души он всё ещё удивлялся вкусам гигантов — надо же, едят лесные диковинки, да ещё и так вкусно готовят.

Таотэ замер. Особо не надеясь на успех, он всё же свернул туда, куда указывал карапуз. Ну не верилось ему, что еду можно найти по первому же тыку пальцем.

И действительно, пройдя приличное расстояние, он не обнаружил ничего, кроме сухой травы и прелой листвы.

Оборотень уже собрался развернуться, как вдруг Якоб настойчиво зашептал:

— Да вон же, под тем деревом, прямо впереди!

Таотэ сделал ещё несколько шагов, заглянул за массивный ствол и обомлел. Сердце радостно ёкнуло: на земле и впрямь лежали рисовые плоды!

Пусть плоды ещё не совсем дозрели, на них не было чужих меток. Значит, они нашли их первыми! Добыча по праву принадлежала им с Якобом.

Таотэ присел, сорвал три крепких стебля дикой травы и аккуратно обвязал ими веточки с завязями, оставляя знак своей собственности.

Куст принёс всего два плода. Снимать их сейчас не имело смысла, пусть пока доходят на солнышке.

Закончив с разметкой, он поднялся и внимательно осмотрелся, запоминая приметные ориентиры, чтобы позже легко отыскать это место.

— Таотэ! — Якоб заглянул ему в лицо. Его глазёнки так и сияли гордостью, а сам он так и требовал заслуженной похвалы.

— Ну ты даёшь! Настоящий кладоискатель! Как ты его почуял? — восторженно спросил

оборотень.

— Носом почуял, — Якоб горделиво вскинул подбородок и забавно вильнул попкой. — Ещё там, на тропинке, уловил этот запах и сразу тебе сказал.

— Унюхал? Оттуда?! — поразился Таотэ. — Невероятно. Я бы в жизни не заметил.

Из чего вообще сделан этот крошечный человечек?

Оборотень с его-то чутьём ничего не почуял, а этот малыш своим едва заметным носиком уловил тончайший аромат сквозь лесную чащу. Фантастика.

От похвалы Якоб мгновенно смутился и густо покраснел. Он торопливо залез под воротник рубахи Таотэ, спрятавшись так глубоко, что снаружи осталась лишь макушка.

— Якоб? — Таотэ невольно прыснул. Кроха щекотал шею своими мягкими волосами и никак не желал сидеть смирно.

— М-м? — донёсся из-за пазухи глухой голосок.

— А другие вкусности сможешь найти? — спросил Таотэ, решив ковать железо, пока горячо.

Якоб, всё ещё пунцовый, высунул голову наружу и несмело кивнул. Устроившись поудобнее на плече оборотня, он свесил крошечные ножки и тихонько пролепетал:

— Могу... Вон там ещё пахнет вкусным...

<http://bllate.org/book/20392/2172929>